

УДК:372.8 (575.2) (04)

Мукасов Ы.М.,

академик, доктор философских наук, профессор

Козубаева А.О.

кандидат философских наук, доцент

Мукасов Ы.М.,

академик, философия илимдеринин доктору, профессор

Козубаева А. О.

философия илимдеринин кандидаты, доцент

Mukasov Y.M.

Academician, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

Kozubaeva A.O.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

ИСЛАМ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛДАШУУ ДООРУНДАГЫ ИСЛАМ ЖАНА РАДИКАЛДАШУУ ISLAM AND RADICALIZATION IN THE AGE OF GLOBALIZATION

Аннотация. Статья посвящена философско-методологическому анализу соотношения ислама и феномена радикализации в условиях глобализации. В работе обосновывается принципиальное онтологическое различие между исламом как нормативно-ценностной религиозной системой и экстремизмом как формой политического насилия. Показано, что редукция сложной религиозно-цивилизационной традиции к явлениям терроризма носит концептуально некорректный характер и обусловлена геополитическими и социомодернизационными процессами.

Ключевые слова: ислам, глобализация, радикализация, экстремизм, псевдоислам, политическое насилие, джихад, геополитика, религиозная идентичность, постсекулярность.

Аннотация. Макалада глобалдашуу шартында ислам менен радикалдашуу феноменинин өз ара байланышы философиялык-методологиялык негизде талдоого алынат. Изилдөөдө исламды нормативдик-баалуулукка негизделген диний система катары, ал эми экстремизмди саясий зомбулуктун формасы катары кароо аркылуу алардын онтологиялык айырмачылыгы негизделет. Ислам сыяктуу татаал диний-цивилизациялык мурасты терроризм менен теңдештирүү концептуалдык жактан туура эмес экендиги жана бул көрүнүштөрдүн геосаясий жана модернизациялык факторлор менен шартталышы көрсөтүлөт.

Негизги сөздөр ислам, глобалдашуу, радикалдашуу, экстремизм, псевдоислам, саясий зомбулук, жихад, геосаясат, диний иденттүүлүк, постсекулярдуулук.

Abstract. This article provides a philosophical and methodological analysis of the relationship between Islam and the phenomenon of radicalization in the context of globalization. It substantiates the fundamental ontological distinction between Islam as a normative value-based religious system and extremism as a form of political violence. The study argues that reducing a complex religious-civilizational tradition to manifestations of terrorism is conceptually flawed and largely shaped by geopolitical and modernization processes.

Keywords: Islam, globalization, radicalization, extremism, pseudo-Islam, political violence, jihad, geopolitics, religious identity, post-secularism.

Современная геополитическая конфигурация характеризуется высоким уровнем взаимозависимости государств, транснациональной природой политических процессов и усилением конфликтов идентичности. В эпоху глобализации ни одно государство не действует изолированно; принятие решений, стратегии безопасности и экономическая деятельность тесно переплетаются с международными структурами. Эта сложная сеть влияет также на культурные и религиозные системы, в которых ислам выступает ключевой мировой религией. Роль ислама в современных дискуссиях всё чаще связана с вопросами международной безопасности, радикализации и терроризма, что отражает более широкие социальные и геополитические динамики. Такая интерпретационная тенденция, в рамках которой сложная религиозно-цивилизационная система редуцируется до феноменов политического насилия, требует глубокого философско-методологического анализа. С онтологической точки зрения, ислам рассматривается как целостная культурная и нормативная система, объединяющая религиозное сознание, этические нормы и социальные установки. Нормативная перспектива подчёркивает универсальные моральные принципы, такие как справедливость, признание человеческого достоинства, милосердие и запрещение насилия в недозволенных ситуациях. В то же время онтологическое измерение ислама распространяется на духовное регулирование общественной жизни, что чётко отличает его от сферы политики и инструментального использования власти. Экстремизм и терроризм же принадлежат совершенно другому уровню социальной реальности. Они проявляются в виде политических моделей поведения, где чрезмерные, насильственные методы используются для достижения властных целей. В юридическом контексте экстремизм определяется как действия, нарушающие конституционный порядок и ставящие под угрозу общественную безопасность. Онтологическое различие между исламской религиозной системой и политическим насилием принципиально: первая связана с нормативным регулированием поведения и моральной легитимацией, второе - с инструментальной рациональностью

и стратегическими целями власти. В результате термин «исламский экстремизм» содержит внутреннее противоречие, содержащее концептуально феномены разных уровней, что требует критического и тщательного анализа.

Историографически отношение ислама и радикализации рассматривалось различными способами. С. Хантингтон видел ислам как цивилизацию с высоким потенциалом мобилизации, направленную на конфликты с Западом [1]. Эта цивилизационная парадигма подчеркивает культурные и исторические сходства между мусульманскими странами, но подвергается критике за игнорирование социально-экономических и политических факторов и чрезмерный акцент на культурный детерминизм. Дж. Эспозито, напротив, подчёркивал плюралистическую природу исламского мира, отмечая, что использование религиозной традиции и символики в политических движениях должно рассматриваться отдельно [2, 48].

Глобализация как исторический процесс объединяет институциональные, экономические и культурные измерения. Деколонизация и модернизация создали основу для интеграции исламского мира в глобальную экономическую и политическую систему. Процессы модернизации сочетались с социальными и демографическими изменениями, такими как урбанизация, рост населения и кризисы идентичности. Традиционные формы солидарности ослабли, и часть общества обратилась к идеологизированным моделям, предлагающим упрощённые ответы на сложные социальные вызовы. В политизации религиозного фактора свою ключевую роль сыграла и «холодная война», двухполюсная система международных отношений стимулировала использование идеологических и религиозных ресурсов для достижения геополитических целей. Поддержка в 80-е годы прошлого столетия вооружённых структур в Афганистане показала, что исламская риторика может инструментально использоваться для достижения стратегических целей. Позже развившиеся транснациональные сети, такие как Аль-Каида и ИГИЛ, опирались на цифровую коммуникацию и мобилизацию. Эти структуры не возникли в рамках классических исламских теоло-

гических институтов, а легитимизировали насилие через выборочную интерпретацию религиозных текстов, включая и идеологизированное понимание джихада. Классическая исламская юриспруденция охватывает джихад как внутреннюю моральную деятельность, социальную активность и оборонительные военные действия с жёсткими нормативными ограничениями. Он не входит в пять столпов веры и не обладает универсальным предписанием к насилию. Радикальная редукция этого понятия игнорирует его теологическую сложность и историческую эволюцию. Джихад - это внутренние моральные усилия, социальная активность, а оборонительные действия осуществляются в строго нормативных рамках.

В научном анализе целесообразно использовать категорию «псевдоислам». Концепт псевдоислама позволяет анализировать движения, которые редуцируют богатое теологическое наследие до лозунгов, выборочно цитируют тексты, ставят политические цели выше моральных норм и отрицают религиозный плюрализм. Такие движения функционируют как квазирелигиозные идеологии, легитимизирующие политическое насилие и противоречащие как международным правовым стандартам, так и исламской правовой традиции. Использование псевдоислама подчёркивает необходимость разграничения религиозной традиции и инструментальной эксплуатации веры в политических целях.

Постсекулярная теория Юргена Хабермаса подчёркивает возвращение религии в общественное пространство на фоне кризиса секулярной рациональности. Ислам в этом контексте выступает не источником конфликтов, а активным участником глобального диалога о ценностях, справедливости и социальной солидарности. Участие религии в социальном и политическом пространстве отличается от экстремизма, поскольку направлено на регулирование моральных норм и этических ориентиров, а не на инструментальное применение насилия. Историческая практика показывает, что исламская цивилизация способна сосуществовать с другими религиозными традициями. Признание статуса «людей Книги», сохранение религиозного плюрализма на завоёван-

ных территориях и развитие научного мышления в период средневекового расцвета свидетельствуют о сложной и многогранной природе исламского наследия. Современные радикальные движения, напротив, предлагают упрощённую бинарную модель мира без институциональных механизмов толерантности. Таким образом, радикализация в контексте ислама является результатом сочетания геополитических, модернизационных и социопсихологических факторов. Она не вытекает из природы религиозной системы, а формируется в условиях кризиса политической легитимности и инструментализации идентичности. Ислам выступает как нормативно-ценностная структура, экстремизм же как форма политического насилия, концептуально являясь различными феноменами. Их приравнивание не выдерживает онтологической, правовой и исторической критики.

Научный дискурс требует отказа от терминологических конструкций, создающих иллюзию содержательной связи религии и экстремизма. Точное разграничение понятий обеспечивает аналитическую точность и позволяет избежать идеологизированного обобщения. В условиях глобализации ислам остаётся культурным и нормативным фактором мировой цивилизации, тогда как экстремизм является политико-идеологической конструкцией, возникающей в условиях институционального кризиса и геополитической конкуренции. Необходимо отметить, что ислам и радикализация, это отдельные, но взаимодействующие феномены. Понимание радикализации требует многоуровневого анализа: исторического, социологического, политического и философского. Такой подход позволяет выработать взвешенное и аналитическое понимание, которое отличает религиозную традицию от политической подоплеки и помогает формулировать эффективные глобальные стратегии предотвращения радикализации.

Предлагаемая нами концепция базируется на принципе строгой деконструкции понятия «исламский экстремизм», при которой подлинная религиозная догматика рассматривается как сущностный антипод экстремистского мировоззрения. Несмотря на то, что генезис рассматриваемой разновидности террора локализован в обществах

исламской цивилизации, его природа обусловлена не теологическими, а геополитическими факторами. Болезненные последствия процессов глобализации для стран Востока спровоцировали формирование у определенных социальных слоев утопического сознания и радикальных настроений. Важно подчеркнуть, что даже в тех случаях, когда представители данных слоев не принимают непосредственного участия в террористической деятельности, их склонность к экстремистским идеям представляет собой девиацию, вступающую в непримиримое противоречие с морально-этическим фундаментом ислама. Сущностное несоответствие ислама и насилия отчетливо прослеживается на уровне дискурсивного анализа сакральных и радикальных текстов. Исламская традиция пронизана идеей милосердия: каждый поступок верующего и любой канонический текст предваряются формулой «Бисмилляхи-рахмани-рахим» («Во имя Аллаха милостивого, милосердного»). На эту принципиальную черту обращает внимание Абу Хамид аль-Газали (XI–XII вв.), – великий богослов и философ, в своем труде «Толкование прекрасных имен Аллаха» он пишет, что истинно верующий – это тот, кто стремится воплотить в себе качества милосердия [3]. В то время как ваххабитские декларации и лозунги строятся на конфронтационной парадигме, постулируя уничтожение «неверных». Исламское понятие милосердия всеобъемлюще и подчеркивает взаимосвязанность всего сотворенного с собой и с Творцом. Милосердие начинается с Бога и даруется Им каждому живому созданию. Люди, проявляющие друг к другу милосердие, оказываются объектом еще большего милосердия Бога. Такое видение ислама поощряет снятие барьеров между народами и является основополагающим фундаментом, на котором строятся жизнь и цивилизация [4]. Попытки отождествить ислам с глобальной угрозой рассматриваются как стратегия по созданию нового цивилизационного «врага» после краха биполярной системы. Историческая практика и современные политические реалии демонстрируют, что мусульманское сообщество не только способно к конструктивному межконфессиональному сотрудничеству, но и само является основной жертвой радикальных группи-

ровок. Статистика террористических актов в Египте, Пакистане и других странах региона свидетельствует о том, что от действий преступников, использующих псевдоисламскую риторику, прежде всего гибнут правоверные мусульмане. В этой связи тезис о массовой поддержке экстремизма населением исламских стран представляется научно несостоятельным и логически абсурдным, поскольку террор направлен против самих основ существования исламского общества. Основным вектором деятельности лидеров экстремистских структур выступает борьба за политическую власть, при которой радикальные лозунги от национализма до религиозного фундаментализма, служат лишь идеологическим прикрытием. К концу XX столетия террористические акты, имеющие целью массовое и системное уничтожение людей, превратились в распространенное средство достижения геополитических целей. В современном контексте терроризм выступает прежде всего инструментом этнического или этноконфессионального сепаратизма, ирредентизма и радикального политического истеблишмента, стремящегося к региональному или мировому господству. Деятельность таких организаций, как «Исламское государство» (ИГИЛ), иногда находит отклик в определенных кругах населения, охваченных кризисом. Однако это не является основанием для утверждения о жестокости ислама как такового или о поддержке мусульманами радикальной интерпретации Корана. Современный религиозный фундаментализм – это продукт разочарования в современной политике, стремящийся к возвращению в идеализированное «прошлое», которое в реальности никогда не существовало. Сущность псевдоислама определяется в первую очередь его конечной целью – захватом и использованием власти. При этом морально-этические, духовные и правовые рамки не являются сдерживающими факторами для этих групп. Для террористов, использующих религиозную риторику, не важны нарушения установлений Священного Писания; их истинные приоритеты лежат в плоскости контроля над территориями, властными структурами, финансовыми потоками и легализацией преступных доходов, полученных, например, от наркоторговли.

В этом смысле они ничем не отличаются от радикальных боевиков в других частях света, которые игнорируют призывы своих духовных лидеров ради политической выгоды. В связи с этим власти ряда стран, включая Кыргызстан, официально признали недопустимость использования терминов «исламский экстремизм» и «джихад» для описания террористических групп. Согласно мнению экспертов и религиоведов, правильное называть участников этих антигуманных движений «бандитами» и «преступниками», поскольку их деятельность лишена подлинного религиозного содержания. Их действия не могут быть оправданы верой, так как они представляют собой уголовный элемент, а не истинных верующих. Амманская декларация (2004 г.) - самый авторитетный документ, объединивший 200 ученых из 50 стран про-

возглашает: «Ислам основывается на принципе милосердия и уважения к человеческой жизни... Мы осуждаем насилие и терроризм во всех их формах, под какими бы лозунгами они ни совершались. Подобные действия являются преступлением против Бога и человечества, не имеющим ничего общего с подлинной верой»[5]. Сегодня во всем мире получает подтверждение концепция, согласно которой ислам и теория и практика экстремизма являются явлениями абсолютно несовместимыми. Для эффективного противодействия этой угрозе необходимо не только силовое подавление, но и идеологическое развенчание деструктивных культов. Только четкое разграничение традиционной религии и политического бандитизма позволит сохранить межконфессиональное согласие и обеспечить глобальную безопасность.

Использованная литература

- [1] https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hant/09.php
- [2] Эспозито, Дж. Л. Исламская угроза: миф или реальность? / Дж. Л. Эспозито // Современные исламские движения в странах Востока : реф. сб. – Москва : ИНИОН, 1994. – С. 45–62.
- [3] <https://archive.nyu.edu/bitstream/2451/38266/2/Al%20Ghazali>
- [4] <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologemy-nasiliya-mira-i-miloserdija-v-teologii-traditsionnogo-islama>
- [5] www.ammannmessage.com